

**Лирика А.А. Блока.
(система уроков)**

Составила: Самсонова Майя Васильевна,
учитель русского языка и литературы
высшей категории.

Первый урок.

Цели урока: знакомство учащихся с поэзией Александра Блока, изучение его стихотворений сделать для них открытием, школой высоких чувств, постижением высшей духовности, ввести старшекласников в мир настроений и образов, научить прислушиваться к интонации поэтической строки.

Слово учителя: Мироощущение и поэтическая система А. Блока, а вместе с ним и всех символистов сильно отличались от восприятия мира и художественных принципов реалистического искусства.

Идея вечной и всепобеждающей Женственности была воспринята символистами от Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) — философа-идеалиста, поэта, публициста, литературного критика. Общеизвестно его огромное влияние на русскую религиозно-философскую мысль и эстетику символизма. Оно было столь обширно, что дало основание говорить о «соловьевстве» как явлении. Его мистико-поэтическое мироощущение оказалось созвучно философским и эстетическим исканиям модернистов второй волны (символистов). Религиозный философ, ставивший в центр мира божественное начало, он видел цель исторического и космического процесса в «положительном всеединстве», т. е. в таком соединении элементов мира, где нет взаимного отчуждения, нет разъединенности во времени, пространстве, вещественности, Идеал всеединства — мудрое женское начало, воплощенное в «Софии, мудрости Божией», это Вечная Женственность, «действительно вместившая полноту добра и истины, а через них нетленное сияние красоты». Он разделял и философски обосновывал идею Достоевского о том, что «красота спасет мир», говоря здесь, разумеется, не о телесной, материальной красоте, а о Красоте как венчающей полноту и торжество добра и Истины.

Идея Вечной Женственности у А. Блока воплотилась в Прекрасной даме, на рыцарское служение которой подвигнут поэт («Стихи о Прекрасной даме», 1904). Культ Прекрасной дамы проходит через все творчество поэта. Но этот образ не остался неизменным, он обретал все новые воплощения — от носительницы божественного начала, Вечной Женственности, Вечной Жены до его конкретного, очеловеченного облика, опозитизированного в чертах Любимой, или просто Ее, или молодой жизни, погибшей под колесами.

Космическое видение мира, жизни, предощущение, предчувствие принадлежности земного высшим мирам, высшей истине, добру и Красоте сквозит в поэзии А. Блока. Вне этого мироощущения многое в стихах поэта остается закрытым. «Открыть» А. Блока для себя вам поможет хотя бы небольшой экскурс в поэтику модернистов, и символистов в частности.

В классической поэзии XIX века господствовало стремление к ясности и прозрачности стиха, ясности подчас самого сложного поэтического переживания. Вспомним пушкинское:

«Не знаешь ты, как сильно я люблю», «Не знаешь ты, как тяжело я страдаю»; «Пепел милый... останься век со мной на горестной груди...» Или лермонтовское: «Нет, не тебя так пылко я люблю»; «Но я люблю — за что, не знаю сам». Или тютчевское: «Коль любить, так не на шутку...»

Поэзия конца XIX — начала XX века избрала основанием другую поэтику — **поэтику ассоциаций** — произвольно, т. е. часто нелогично, не на основе логики возникающих связей и сопоставлений, параллелей, из которых возникает новое видение знакомых предметов, а за ними чудится что-то не выразимое словами.

В поле дорога бледна от луны.

Бледны девушки прячутся в травы.

Руки, как травы, бледны и нежны.

Ветер колышет их влево и вправо.

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...», 1903.

Первая строка дает реальную картину, окрашенную острым восприятием бледного, призрачного света, в котором все бледно, и дорога полевая тоже. Вторая строка — образ, вызванный по ассоциации. В неверном, скрадывающем, бледном свете чудятся, воображаются в высокой траве девичьи лица, руки, фигуры. Высокие травы прячут и выказывают руки, нежные руки, колышущиеся под ветром. А все четыре строки создают высоко поэтическую картину, которую всю, с ее ароматом я музыкой, невозможно перевести на язык прозаического объяснения. Колдовство звучания стихов — тайна, которая не поддается разгадыванию. Отмечаем смысловую и цветовую доминанту, даже звуковую, в трех строках: «бледна» — «бледные» — «бледны» и «травы» — «руки» — «травы» — «ветер». Заметим, что ветер — один из любимых образов поэта, олицетворение Ее силы, движения, исходящих из тайного источника нездешних миров.

Другая черта новой поэзии — и поэзии А. Блока — **поэзия намеков**, которые читатель должен понять, расшифровать самостоятельно и в согласии с ними дорисовать картину реальности, или фантазии, или, условно говоря, «душевного пейзажа» — переживания или мироощущения поэта.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

«Девушка пела в церковном хоре...», 1905.

Первая строка вызывает целый ряд ассоциаций — с храмом во время богослужения, с большим стечением народа в церкви, с церковным распевным и грустно-трагическим звучанием псалмов. Стихи написаны в августе 1905 года, когда заканчивалась русско-японская война. И вот намеки: «О всех усталых в чужом краю, О всех кораблях, ушедших в море. О всех, забывших радость свою». Последняя строка — намек-напоминание о той радости, которую каждый из солдат или матросов русской армии оставил в родном краю, т. е. о родных и близких, но забыл о них перед лицом смертельной опасности. Это пение девушки и хора — молитва об отторгнутых от родимого крова, молитва о заброшенных на чужбину.

Вторая строфа о девушке, о ее молитве, принимаемой свыше — в куполе окна, через которые падает солнечный луч:

Так пел ее голос, летящий в Купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

Ассоциативная и метафорическая переключка («пел ее голос» — «белое платье пело в луче») как бы соединяет девушку, церковный хор, всех присутствующих в церкви («каждый смотрел и слушал») в одном духовном порыве. Это духовное единение выражается в следующей, третьей строфе:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И, вопреки молитве и духовному единению, — грустный, неожиданный, трагический итог, данный в намеке:

И голос был сладок, и луч был тонок, -
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Намек — «причастный тайнам», т. е. знающий наперед, вещий, кому открыто

будущее. «Высоко, у царских врат... плакал ребенок» — Спаситель-ребенок на руках у Богоматери — намек на трагический для России исход войны летом 1905 года.

Сочетание ассоциаций и намеков подкреплено искусством точной, изящной, поэтической детали, привязывающей мистически неясный и зыбкий смысл картины к какой-то реальности. В этом стихотворении такую деталь без труда укажут ребята: «луч сиял на белом плече». Это яркая картина, усиленная повторением и расширением зрительного образа в четвертой строке второй строфы: «Как белое платье пело в луче». В стихотворении «Вхожу я в темные храмы...» такая деталь — «В мерцанье красных лампад». Так и видится: полуосвященный храм, горящие свечи, слабо освещенные образа. И тени от колебания огня, бегущие в высоту по карнизам, — «Высоко бегут по карнизам Улыбки, сказки и сны. Ассоциативно-метафорический образ, богатый, многослойный смысл которого невозможно исчерпать.

Для вхождения в атмосферу поэзии А. Блока, чтобы ребята могли освоиться в этом незнакомом мире, им надо знать его приметы, его законы. Помимо **поэтики ассоциаций, намеков**, требующих расшифровки, восприятия и осмысления **художественной детали**, дающей толчок работе воображения, читателю важно познакомиться с **символикой предметов и символикой цвета**.

В поэзии А. Блока создана целостная система символов. «В ее основе лежит простой мотив: рыцарь (инок, юноша, поэт) стремится к Прекрасной Даме. За этим стремлением стоит многое: мистическое постижение Бога, поиски жизненного пути, порыв к идеалу и бесконечное количество оттенков толкований. Заря, звезда, солнце, белый цвет — все это синонимы Прекрасной Дамы... Белый — значит посвятивший себя Вечной Женственности. Размыкание кругов — порыв к ней. Ветер — знак ее приближения. Утро, весна — время, когда надежда на встречу наиболее крепка. Зима, ночь — разлука и торжество злого начала. Синие, лиловые миры, одежды символизируют крушение идеала, веры в самую возможность встречи с Прекрасной дамой. Болото символизирует обыденную жизнь, не освещенную мистически. «Желтые фонари», «желтая заря» («Блок писал прилагательное «желтый» через *o* и придавал этому большое значение) символизируют пошлость повседневности»... «Словарь» символов Блока здесь упрощен: «в зависимости от контекста значение символов колеблется в широких пределах. Но ориентироваться в поэзии Блока он поможет. Некоторые символы настолько неопределенны, что описать их значение нелегко. Таково, например, слово «чорный (опять-таки непременно через *o*). Это символ чего-то грозного, опасного, но в то же время мистически значительного, чреватого мистическими откровениями. Чтобы изучить систему символов Блока, следует изучить и продумать всю его поэзию. Здесь необходима работа души.

Ницше заметил однажды: символы не говорят; они молча кивают».

Символика цвета у В. С. Соловьева, А. Блока и символистов заимствована из мистицизма средневековья и Возрождения. «В языке культуры позднего средневековья желтый цвет обозначал враждебные силы, синий — измену. Современники плохо понимали Блока, а вот книжникам XVI века был бы ясен потаенный смысл блоковских строк:

В соседнем доме окна желты.

и

И на желтой заре — фонари.

Или

Ты в синий плащ печально завернулась...

и

Синий, синий, синий взор.

В предметах, явлениях эмпирической (т. е. воспринимаемой пятью органами чувств) действительности Блок провидел намеки на иной, совершенный, трансцендентальный

мир. Смысл его символов всегда лежит в запредельном мире. Но база его символов — вся в окружающей реальности».

Словарная работа: Мистицизм (греч. *mystikos* — таинственный) — религиозно—идеалистический взгляд на действительность, основу которого составляет вера в сверхъестественные силы. В тайных обрядах мистиков главным было общение с Богом или другим таинственным существом, достигаемое через озарение, экстаз, откровение, а высшей формой познания — интуиция.

Второй урок. «Там жду я Прекрасной дамы...»

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

А. Блок

Цель урока: Ввести наших питомцев в мир блоковской поэзии... - открыть глубину поэтического видения, понимания мира у Блока, - ввести в мир высокой поэзии, помочь освоиться в нем и испытать радость открытия, приблизиться к его постижению.

Предлагаем необходимый ряд стихотворений, в который, как в раму, в хронологической последовательности будут вставлены стихи, предназначенные для более детального анализа, неспешного рассмотрения. Они читаются учителем с минимальным комментарием (одна-две фразы) или вообще без комментария. Чтению предшествует ознакомление ребят с эстетической системой символизма (см. выше).

Словарная работа: Трансцендентальный — высший, познаваемый интуитивно.
«В ночи, когда уснет тревога...», 1898.
«Ветер принес издалека...», 1901.
«Сумерки, сумерки вешние...», 1901.
«Встану я в утро туманное...», 1901.
«Мы встречались с тобой на закате...», 1902.

В стихотворении «**Вхожу я в темные храмы...**» (из первого сборника А. Блока «Стихи о Прекрасной даме», 1904) слышится благоговейная, торжественно-молитвенная интонация, ожидание чуда — появления Прекрасной дамы «в мерцанье красных лампад». Обратите внимание на несвойственную русскому языку форму — «жду я Прекрасной дамы», а не Прекрасную даму. В употреблении такой формы есть свой глубокий смысл. Вариант винительного падежа сообщал бы строке предметное значение, снижал бы ее до бытового уровня. А здесь — молитвенно-возвышенное состояние души, ждущей откровения, как бы преображения с ее появлением. Ожидание так напряженно, что В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.

И дальше в стихотворении «образ — лишь сон о Ней», Ее он называет «Величавой Вечной Женой», «Святой», благоговейно восхищается: «Как отрадны Твои черты!» Это и символический образ Прекрасной дамы, и Богородица («образ», «ризы»), это и воплощенная гармония мира, и все, что человек носит в душе, — «улыбки, сказки и сны». Душа лирического героя вся в этом ожидании, вера: «Но я верю: Милая — Ты».

Можно вернуться к начальной строке: «Вхожу я в темные храмы». Почему «в храмы»? Значит, это происходит многократно. «Совершаю бедный обряд» — вероятно, ставлю свечу. С совершением обряда появляется молитвенно-торжественное настроение и в воображении все более отчетливо рисуется образ Вечной Жены, Вечной Женственности как животворящего начала. Заметим, что после комментария к отдельным строкам или словосочетаниям рекомендуется прочитать стихотворение еще раз, чтобы сохранилась цельность восприятия.

Далее читаем еще несколько стихотворений.

«Мне снились веселые думы...», 1903.
«Скрипка стонет под горой...», 1903.
«Рассвет», 1903.

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...», 1903.

«Осенняя воля», 1905.

«Там, в ночной завывающей стуже...», 1905.

«Девушка пела в церковном хоре...», 1905.

«Утихает светлый ветер...», 1905.

Во время нашего чтения учащиеся записывают названия стихов и даты, чтобы дома, готовясь к следующему уроку, перечитать звучавшие в классе. В своей практике преподавания я убедилась в том, что когда изучается лирика, хотя и даются задания на дом, но уроки идут без опроса, иногда с кратким обменом впечатлениями о перечитанных стихах или прочитанных самостоятельно. Разговор о понятии, о читательских предпочтениях оставляем на конец изучения темы. Эффективность такого подхода выражается в том, что на глазах возрастает интерес не только к поэзии А. Блока, но вообще ко всей поэзии, ребята начинают осознавать свой духовный рост и развитие эстетического вкуса. Начинает формироваться потребность в эстетическом переживании, в наслаждении поэзией.

Задание: перечитать стихи, звучавшие на уроке.

Третий урок. «Люблю тебя, Ангел-Хранитель во мгле». Стихотворение «Незнакомка».

Шлейф, забрызганный звездами,

Синий, синий, синий взор.

А. Блок

Стихотворение «Незнакомка» (1906), один из шедевров блоковской лирики, построено на контрасте картин и образов, контрастно соотнесенных и отраженных друг в друге. Первая половина стихотворения рисует картину самодовольной и разнузданной пошлости, знаками которой выступают художественные детали, дающие опору и направленность работе воображения.

В начале стихотворения передана общая атмосфера и ее оценка лирическим героем:

По вечерам над ресторанами

Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными

Весенний и тлетворный дух.

Конкретизация картины разворачивается как ряд цветowych и звуковых деталей, воплощающих пошлость (2—4-я строфы). Самые конкретные и в то же время обобщенные, с убийственно-иронической подсветкой, детали даны в 3-й и 4-й строфах:

Среди канав гуляют с дамами

Испытанные остряки.

Над озером скривят уключины,

И раздастся женский визг...

Прозвучавшая вначале оценка этого стиля жизни, ее отвратительного лица подтверждается поэтической формулой ассоциативно-метафорического характера, в которой угадывается намек на то, что лирический герой согласен с такой оценкой:

А в небе, ко всему приученный,

Бессмысленно кривится диск.

Ведь это глазами лирического героя увидены картинки, от которых даже лунный диск кривится, пораженный их нестерпимой пошлостью.

Следующие две строфы — переход к другой картине, прямо противопоставленной окружающей пошлости. Мотив этих двух строф — отчаяние от одиночества лирического героя. Оно звучит в смиренном и горьком признании:

И каждый вечер друг единственный

В моем стакане отражен

И влагой терпкой и таинственной,

Как я, смирен и оглушен.

Кто этот друг, отраженный «в стакане»? Тот же «я»? Так же «смирен и оглушен»?

Следующая строфа («А рядом у соседних столиков Лакеи сонные торчат») по колориту близка общей картине, нарисованной в первой части стихотворения, — продолжается та же тема пошлости, только на свой лад, которую отвергает лирический герой.

Во второй части стихотворения возникает контрастный образ Незнакомки. «Мостик» к нему переброшен почти полным созвучием слов и полным совпадением ритмического рисунка:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Этот контрастный образ, исполненный такой пленительной поэзии, очищенный возвышенным поэтическим восприятием лирического героя, вобрал в себя приметы цивилизованного человеческого мира, и обаяние природы, и таинственную прелесть народной фантазии.

Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

Грязь окружающей пошлой обстановки не прикасается к ней, она как бы парит над нею, отделенная молчаливым одиночеством, своими «траурными перьями». Она как посланница иного мира, чуждая всем и всему, как воплощенная Поэзия, Женственность. А может, это не реальная Незнакомка, а только греза поэта, образ, созданный его воображением? («Иль это только снится мне?») Но эта Незнакомка-мечта Близка поэту — «И странной близостью закованный, Смотрю за тёмную вуаль...»

За этим реальным или воображаемым обликом (что в конце концов неважно) лирическому герою видится «берег очарованный и очарованная даль». Эта ассоциация приобретает значение символа как реально существующей возможности приплыть (помните пушкинское «Куда ж нам плыть?») к другому берегу жизни, уйти в «очарованную даль» от пошлости, которая минуту назад казалась непобедимой.

Поэтическая интуиция, художническая пронизательность помогают ему угадать, дорисовать в воображении её душевное состояние, её прошлое и настоящее — то, что тайна для всех. И он гордится этой своей посвящённостью в чужие тайны, воспринимая их как «чье-то солнце», как дар, который нужно бережно хранить.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено...

Солнце — символ Женственности, символ счастья, любви. И откровение, чувство, понимание этой своей посвящённости рождает у лирического героя такое сильное ощущение, как будто «все души моей излучины Пронзило терпкое вино». Но это вино поэзии, в которой забрезжила возможность выплыть туда, где «очи синие, бездонные Цветут на дальнем берегу». Берег тоже символ у Блока, значение которого — новая жизнь, новые открытия, новое понимание жизни и поэзии.

Пленительность образа Незнакомки, пленённость её поэтическим и таким печальным обликом выражена очень достоверно, настолько конкретно-зрительно, что нарисовать эту картину в воображении ребятам будет нетрудно.

И перья страуса, склонённые
В моём качаются мозгу...

(Так и видится наклонившаяся головка в шляпе с перьями.)

Последняя строфа стихотворения вся построена на осмыслении происшедшего в душе переворота и переосмыслении устоявшегося, привычного. Намёк, ассоциация здесь живут в единстве, подкрепляя и раскрывая друг друга.

Угаданная тайна, открывшаяся возможность другой жизни «на дальнем берегу», вдали от реальной пошлости, принимаемой всеми, на берегу поэтического видения, воспринимается как вновь обретенное «сокровище», «И ключ поручен только мне!» Вино открытия, откровения, ударившее в голову как вновь обретенная вера и надежда, позволяет воскликнуть:

Ты право, пьяное чудовище!

Я знаю: истина в иное.

Пьяное чудовище таковым и остаётся (не зря оно «чудовище»), но открытие поэзии, посвящённость в тайны очарования другого мира, пусть и в воображении, утверждается как истина. Таким образом, красота, истина и поэзия оказываются связанными в неразделимом единстве.

После более или менее подробного комментария к тексту стихотворение читается целиком ещё раз, чтобы все раскрытые символы и ассоциации, все намёки закрепились в воображении и эмоциональной памяти за поэтическими формулами. Тогда ребят, даже хорошо подготовленных, поражает ассоциативная и смысловая ёмкость строки, им становится близко поэтическое видение художника, его гуманное восприятие человеческого мира, порыв к истине и красоте, к высшей духовности. К этим урокам я подготовила слайды презентации с иллюстрациями И. Глазунова и др.

Четвёртый урок. «И в тайне почивает Русь...» Тема России.

И невозможное возможно...

А. Блок

Стихотворение «Русь» — одно из первых, посвящённых России. «Тема о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь, — писал А. Блок. — Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой...»

Перед чтением предлагаем ребятам вслушаться в интонацию, которую и учителю воспроизвести нелегко, если задаться целью передать не только высказанный, но и невысказанный смысл первых строк. Это интонация преклоненной молитвы, смиренного служения. «Твоей одежды не коснусь» — ассоциация с каким-то священным существом, на которое можно только молиться, но не прикасаться к нему. Оно все — тайна. Такова Русь — неразгаданная и не поддающаяся разгадыванию. Дремота? Может, это дремота души? Или то состояние между сном и бодрствованием, когда особенно обострена интуиция, когда возможно «наитие», через которое интуитивно угадывается тайный смысл вещей?

Стремясь постигнуть дух Руси (именно Руси, а не России), поэт в воображении охватывает единым взором старую Русь с ее древними поверьями, сказками, ведунами и ворожеями (волшебники, колдуны и гадалки, знахарки), с ее метелями и нечистой силой «в снеговых столбах», с богомольцами и странниками, которые ходили с посохом — клюкой. («Где все пути и все распутья Живой клюкой измождены». Живая клюка — в живой руке.)

Когда перед мысленным взором поэта прошли эти картины и *герои*, когда открылась ему и была пережита *им* эта поэзия древнего мироощущения, еще живого в России XX века, поэт вправе воскликнуть:

Так — я узнал в моей дремоте

Страны родимой нищету,

И в лоскутах ее лохмотий

Души скрываю наготу.

Следующие строфы — как исповедь и как попытка переосмыслить весь свой

предыдущий жизненный путь и всю систему личных и всех духовных отношений — с ориентацией на благоговейное восприятие Руси и ее духа. Именно Русь спасла поэта от потери духовной чистоты:

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты,
И вот она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Вариативное повторение первой строфы как запева в конце стихотворения — ударная нота. Поэт настаивает на интуитивном постижении тайны народного духа, духа Руси, которым она жива. Очень созвучны блоковскому восприятию Руси картины М. Врубеля «Царевна-лебедь», «Пан», «К ночи», «Сирены», «Лебедь» (все — 1899—1901 п.). Ребята найдут в них символические образы, богатый ассоциативный ряд, Возможность многообразного прочтения полотна.

Можно, для постижения ребятами поэтики символа, его смысловой емкости, прочитать еще несколько стихотворений, которые расширят представление школьников о художественной палитре А. Блока и философичности его поэзии

«Шлейф, забрызганный звездами...», 1906.

«0, весна без конца и без краю...», 1907.

Это стихотворение — о неизбежности жизненных драм, о стойкости и мужестве, о философском взгляде на жизнь и ее перипетиях. «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!» — восклицает лирический герой. «Принимаю» повторено пять (!) раз в семи строфах! Здесь целая программа жизнестроительства. Осознание неизбежности драм, мучений, тягот вселяет терпение и рождает внутреннюю несгибаемость, любовь к жизни, какой бы стороной она ни оборачивалась.

И еще один завет художника: «Никогда я не брошу щита», т. е. не сдамся, буду бороться до конца.

«Май жестокий с белыми ночами!» (1908) — стихотворение во многом этапное, где отчетливо выражены изменившиеся приоритеты в жизни поэта:

Но достойней за тяжелым плугом

В свежих росах поутру идти!

Цикл «**На поле Куликовом**» (1908), вдохновенно воспевающий Русь, — это и предчувствие грядущих бурь, и предвидение трагедий XX века. Судьба России, осмысленная через такую историческую веху, какой была Куликовская битва, подана в цикле *как* сплетения и взаимопереходы патриотической устремленности русского воина накануне битвы и современного поэту человека, тоже патриота, но предчувствующего грозные события нового века. Мироощущение лирического героя-современника заявлено употреблением местоимений первого лица — «**я**», «**моя**». Четко провести черту между духовным обликом далекого предка и мировосприятием современника невозможно. Первые строфы первого стихотворения передают душевное напряжение русича, который понимает, что судьба Руси и его личная решится завтра. Поэтому пронзительны ноты не то прощания с родной землей, когда человек окидывает любовным взглядом окрестность и в этой любви к раскинувшимся просторам степи и реки черпает силы для предстоящей битвы. Не то это прозрения и тревожные предчувствия лирического героя-современника, ищущего в стойкости предков духовную опору в драмах нового века. Эта слиянность двух пластов чувствования передана рядом символов, емких по образному строю и смысловому наполнению, вписанных в пейзаж грозного трагического движения:

И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, круги...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Второе и третье стихотворения приближают читателя к мировосприятию русского воина, в котором есть ощущение общности судьбы со всем воинством русским и с другом: Говорит мне друг: «Остри свой меч, Чтоб недаром биться с татарвою, За святое дело мертвым лечь!»

Он вспоминает мать, жену:
Перед Доном темным и зловещим.
Средь ночных полей,
Слышал я твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

В четвертом стихотворении цикла снова запечатлено слияние духовной сути русича и современника, при этом последний как бы унаследовал и вобрал в себя, в свою душу, тревоги. Он слышит голос далекого предка, ему передано в наследство не только глубокое патриотическое чувство (он слышит «рокот сечи И трубные крики татар»), но и тоска вместе с предугадыванием грядущих битв и трагедий.

Так говорит о себе и павший воин, и современный человек, много испытавший и предчувствующий бесчисленные трагедии.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.
Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

Эта смысловая и философская емкость символов и ассоциаций кажется бездонной глубиной, когда, вчитываясь, обнаруживаешь в поэтической строке новые и новые смыслы. Цитированная строка «Я рыщу на белом коне...» несет смысл победного движения (белый конь — конь победителя) и тут же — «Встречаются вольные тучи Во мглистой ночной вышине». Тут уже картина летящего в поднебесье всадника, как Георгия Победоносца, как воплощенной души погибшего воинства, привязанной к родной земле вечной любовью, и души поэта. «Светлые мысли В растерзанном сердце моем» не исчезли, они растворены в воздухе родины, и к душам предков взывает современный человек:

Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!

Поэт говорит своим современникам: прошлое не ушло, оно с нами, оно учит...

Пятое стихотворение цикла «Опять над полем Куликовым...» возвращает читателя из мглы веков к современности. Знаменательно, что ему предпослан эпиграф из Вл. Соловьева.

В первой строфе А. Блок перефразирует Соловьева так, что поле Куликово осмысливается как метафора России. По той же грозной тишине, как перед битвой, по той же разлившейся мгле лирический герой узнает наступление таких же судьбоносных дней: Но узнаю тебя, начало Высоких и мятежных дней!

Над вражьем станом, как бывало, И блеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,

Недаром тучи собрались.

Доспех тяжел, как перед боем.

Теперь твой час настал. — Молись!

Последняя строка звучит страстным и грозным предостережением.

Задание: прочитать стихи.

Пятый урок. «Россия, нищая Россия...»

Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

А. Блок

К 1908 году относится и стихотворение «Россия», во многом программное — и в смысле темы, и в плане поэтики символизма. Читая его, мы отчетливо видим переключку со стихотворением «Русь», только здесь стилизация под народную песню и сказку уступила другим символам, наполненным реалистическим содержанием. Образ дороги со всеми ее приметамы проходит через все произведение. Он возникает в первой строфе:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Эти емкие художественные детали: «три стертых... шлеи», «спицы расписные», «расхлябанные колеи» — опора для воображения читателя, дорисовывающего общую картину. Образ мчащейся тройки возникает перед мысленным взором. И на него ложатся пронзительные по силе чувства признания в любви к России:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви!

«И крест свой бережно несу» — крест любви, веры, преданности и самопожертвования художника во имя спасения родины. (Ассоциация с подвигом Христа. Было общеупотребительным выражение «нести свой крест», т. е. быть верным долгу.)

Как предчувствие трагической судьбы России, предугаданной гением, звучат и сегодня потрясающе пророческие строки стихотворения:

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пуускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

— Многие реалии XX века ассоциируются с чародеем, заманившим и обманувшим Россию... Страна в воображении поэта связана уже не с темными силами, запечатленными в народных сказках и поверьях, а с образом женщины-труженицы:

А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...
Когда блеснёт вдали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
и сливной с женским обликом песней с ее «тоской острожной».

Тема судьбы России и русской женщины с поразительной силой воплощена в стихотворении «**На железной дороге**» (1910), навеянном, по признанию поэта, эпизодом из романа Л. Толстого «Воскресение», когда Катюша Маслова видит в окне вагона своего героя Нехлюдова. У некоторых читателей поэтическая картина, исполненная трагизма, вызывает ассоциацию с судьбой Анны Карениной. Как метафора России осознается строфа, в которой четко обозначено социальное неравенство, вызвавшееся и в типе поведения людей, принадлежащих к «верхам» и «низам»:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;

Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели.

Боль о погибшей молодой жизни диктует лирическому герою желание оградить память о ней от пересудов. Ясно, что ее убила жизнь:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колёсами
Она раздавлена – всё больно.

И философская мудрость, и пророческий дар поэта, и его живое сердце становятся все более слышны школьникам по мере углубления в образный строй стихов и в ценностную систему художника. В этом плане большое впечатление на старшеклассников производят стихи, воплотившие философскую проблематику. Читаем эти стихи почти без комментариев, выделяя только афористические строки.

Народ и поэт (пролог к поэме *Возмездие*), 1911.

Два века (вступление к 1-й гл. той же поэмы).

«Земное сердце стынет вновь...», 1911—1914.

«Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912.

«0, я хочу безумно жить...», 1914.

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...», 1914.

«Рожденные в года глухие...», 1914.

Задание: прочитать стихи. Одно стихотворение о России наизусть.

Шестой урок. «Слушайте Революцию». Поэма «Двенадцать»

Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — Пожар.
А. Блок. «Народ и поэт», 1911.
Пролог поэмы «Возмездие»

Эпиграф к уроку, как и во всех предыдущих случаях, — отправная точка работы над образной тканью произведения. В нем сфокусированы основные аспекты решения поставленных в произведении проблем. Но нашим выбором именно этого текста для эпиграфа мы хотели подчеркнуть провидческий характер поэзии А. Блока 10-х годов. Художник предчувствовал грядущие социальные потрясения и катастрофы мирового масштаба, предвидел их трагические последствия. Под таким углом зрения рассматривается поэма «Двенадцать».

Заканчивая работу над этим произведением, учитель снова возвратится к эпиграфу, образы—символы, образы-намёки которого наполнятся для ребят конкретным содержанием.

Перед началом работы над поэмой «Двенадцать» целесообразно спросить ребят, каково общее впечатление, какие места непонятны или трудны, чтобы учитель в своем объяснении и комментировании текста не упустил то, что им неясно.

На наш взгляд, ключевыми для понимания этого сложного произведения являются вопросы жанра, стиля и композиции, вопрос о главном герое.

Жанр. «Двенадцать» — эпическая поэма, в которой мы находим живые, движущиеся, озвученные картины реальности, поданные в ключе картинок с натуры. (Сквозной сюжет, связанный с одним героем, конкретно-реалистические детали, хотя и приобретающие

символический смысл). В ней герой, от имени которого ведется лирический рассказ, — повествователь с развитием его переживаний, его нравственным выбором, жизненным итогом. Лирически-исповедальный сюжет, при всей его внешней строгости, сообщает поэме лирически взволнованный характер. Изысканно-возвышенная тональность стиля помогает ощутить философскую глубину внешне незамысловатого сюжета, сложность мироощущения лирического героя.

В «Двенадцати» калейдоскопически сменяющиеся картины-главки, каждая из которых выглядит как моментальный снимок, складываются в масштабную панораму. Это эпос революции. Ребята могут обнаружить в поэме и лирическую струю: она в начальной картине-пейзаже, в заключительных строфах.

Композиция и стиль. На первый взгляд поэма «Двенадцать» может показаться очень пестрой, составленной из разнородных по тональности и ритму зарисовок. В ней нет такого стилевого единообразия, которое мы видели в поэме «Соловьиный сад» или даже в циклах «На поле Куликовом» и «Кармен». Здесь цельность и единство создаются на иной основе. В поэме воплощена стихия революции, передано новое мировосприятие человека улицы, ощутившего безграничную свободу, — свободу от всего, что связано с прежней жизнью. Стилистически это реализовано поэтом путем введения разговорно-песенной интонации, частушечных ритмов, просторечно огрубленной лексики.

В то же время устоявшиеся черты поэтики А. Блока, знакомые по ранее изученным произведениям, ребята тоже обнаружат без особого труда.

Можно здесь, говоря о стиле поэмы, предложить им вопросы (можно дать их и в предварительном задании):

1. Какие образы-символы вы заметили в поэме «Двенадцать»? (Ветер, вьюга, флаг, белый снег, пес безродный и др.)
2. Какие многозначные художественные детали, символические фигуры или ситуации, намеки обратили на себя ваше внимание? (Например, «Хлеба! Что впереди? Проходи!», «буржуй на перекрестке», «барыня в каракуле» и др.)
3. В каких главах вы услышали песенные Или частушечные ритмы? (Гл. 3, 4 — подражание частушке; гл. 8 — народно-песенные ритмы; гл. 9 — начало популярной песни; ритм марша — гл. 2, 11.)
4. Почему так часто в тексте встречается звукоподражание выстрелу? Когда и почему стреляют? (Гл. 2, 6, 12.)

Главный герой. Кто он в поэме? Двенадцать красногвардейцев? Или кто-то еще? Это важный вопрос, потому что в личности главного героя и отношении к нему автора просматривается сумма авторских оценок всех ситуаций и характеров, авторская концепция жизни. В лирическом произведении оценки выражаются непосредственно, а в эпическом они растворены в самих картинах и отношениях героев и автора к ним. В эпическом произведении (прозаическом и стихотворном) всегда наличествует повествователь-рассказчик. Все изображенное увидено его глазами, отобрано его взглядом.

В эпической поэме «Двенадцать», кроме двенадцати красногвардейцев, Петьки с Катькой, есть еще повествователь-рассказчик. Это сквозной образ. Это он видит ночной заснеженный город, по которому идут 12 человек (патруль). Это он увидел и плакат об Учредительном собрании, и старушку, и буржуя, и всех остальных героев первой главы. Это он услышал крики, выстрелы, погоню за Ванькой, потом разговор Петрухи со своими товарищами, его исповедь. Так кто же этот герой? Это тот, кого революция освободила. От чего? Ему кажется, как и двенадцати красногвардейцам, от всего, что угнетало и стесняло, в том числе и от креста (поговорка «Креста на тебе нет» означала упрек в отсутствии совести). Отменены все старые заповеди («свобода, свобода, Эх, эх, без креста!»), в том числе и «не убий», «не укради». Убийство Катьки не очень печалит красногвардейцев, а Петька переживает, потому что любил Катьку. Когда он «повеселел»,

то вместе со всеми говорит:

Эх, эх!

Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,

Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —

Гуляет нынче голытьба!

Продолжение этого настроения находим в 8 главе, где в один ряд поставлены «скука скучная, смертная» и желание провести «времячко», а затем — «Ужь я семячки полушу, полушу... Ужь я ножичком полосну, полосну!.. Ты лети, буржуй, воробышком! Выпью кровушку За зазнобушку, Чернобровушку...»

Вот так воспринимает революционные события человек улицы, ощутивший безграничность свободы, когда все позволено, и в то же время чувствующий враждебность окружающего, но уже побежденного мира. Потому нет ненависти в зарисовках первой главы, а только ирония, насмешка, часто уничтожающая («писатель — Вития», «Товарищ поп»), звучит в них по адресу Учредительного собрания, и барыни, и буржуа, и писателя, и попа. От ощущения свершившегося справедливого переворота идет и настроение бесшабашности, упоение свободой, характерное для городской голытьбы:

И больше нет городского —

Гуляй, ребята, без вина!

Революция свершилась в городе, а средоточие старой, старозаветной России красногвардейцы видят в деревне. Отсюда — война деревне:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,

В избяную,

В толстозадую!

Обратим внимание ребят на то, что обращение «товарищ», принятое в среде городских рабочих, встречается в поэме много раз (гл. 1, 2, 6, 7), «наши ребята» (гл. 3), в гл. 11 «Вперед, рабочий народ!».

Начиная со второй главы, звучит мотив бдительности:

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг! (Гл. 2, 6, 10, 11.)

Интересно, вслед за каким текстом поставлены эти строки и что идет за ними. Во 2 главе за ними — процитированные выше строки о деревне, в 6 главе они — после убийства Катьки, в 10 — как упрек Петьке за его несознательность, в 11 — «Вот — проснется Лютый враг...». Получается, что первыми жертвами бдительности уже оказались или окажутся свои, совсем не буржуи.

В литературоведении нет единого мнения о том, кто же главный герой поэмы. Одни считают, что это стихия революции, другие называют двенадцать красногвардейцев, третьи указывают на повествователя. Вероятно, все правы, но вернее, на наш взгляд, эти точки зрения совместить, особо выделив повествователя. В этом случае все в этом сложном произведении становится понятнее. Собственно говоря, личностным воплощением стихии революции и выступают двенадцать и рассказчик-повествователь, присоединяющийся к ним. При этом стихии все время пытается противостоять организованное начало.

Возникает вопрос, как у поэта-символиста, утонченного лирика, мог появиться такой герой, олицетворяющий городские низы, голытьбу? Стоит вспомнить в этой связи, что социальные мотивы в поэзии А. Блока появились еще в 1903—1905 годах, в канун первой русской революции («Фабрика», «Поднимались из тьмы погребов...», «Барка жизни встала...», «Сытые», «Шли на приступ. Прямо в грудь...» и др.). В последующие годы поэт

все более осознавал свою кровную связь с Россией, всматривался в лицо Руси, предчувствуя ее тяжкие испытания.

Лирический герой поэта прошел путь от интеллигента-индивидуалиста, погруженного в мир личных переживаний, к интеллигенту с осознанной гражданской и патриотической позицией, позднее — к приветствовавшему очистительную бурю-революцию. Это ярко выражено в его статье «Интеллигенция и революция».

Так что чувства и переживания городских низов в дни революции были понятны и отчасти близки поэту. Но в «Двенадцати» мы видим также тонкую психологическую и социально-политическую мотивировку настроений и поведения красногвардейцев. Любовная история, ревность и расправа с изменившей Катькой — незначительный эпизод для них. Человеческая жизнь в их глазах особой цены не имеет («Лежи ты, падаль, на снегу!»). Им важнее, чтобы Петька остался с ними. Утешая его, они напоминают о долге, о бдительности:

Шаг держи революционный!

Близок враг неугомонный!

Символика поэмы. Символические образы ветра, вьюги (гл. 1, 10—12) на фоне черного вечера (гл. 1), черного неба — тоже символы — придают разыгравшейся бурь-революции едва ли не всемирный характер. «Кругом огни, огни, огни...» Это огни революции. Но в 10 гл. читаем о том, что за вьюгой «Не видать совсем друг друга за четыре за шага!». Не только потому, что вьюга слепит. Дело в том, что идущие двенадцать не видят вперед дальше четырех шагов. Это ли не символ! Он многое объясняет в последующих событиях революции.

Один из сквозных символов в поэме — «старый мир, как пес безродный», «пес паршивый», «пес голодный», «скалит зубы», «не отстаёт» от красногвардейцев. Ясно, что это символ огромной обобщающей силы. Психология и нравы старого мира потом будут названы «родимыми пятнами капитализма».

Читая на уроке поэму «Двенадцать», комментируя текст, учитель обратит внимание ребят на некоторые символические детали, уточняющие общую картину и отношение автора к изображаемым героям и ситуациям. Так, глава первая — как бы пролог, начальные аккорды произведения, где пафосно заявлен масштаб событий. Их фон — Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер! —

На всем божьем свете!

Так воспринимает события рассказчик. Все герои этой главы, как уже говорилось, вызывают у него презрительную усмешку. Лишь к бродяге у него теплое чувство: «Эй, бедняга! Подходи — Поцелуемся...» Это в честь праздника революции, как в первый день Пасхи. И дальше клич голодных: «Хлеба!» И вопрос: «Что впереди?» — о перспективах революции. Но ответа нет: «Проходи!» Никто ответа не знает, во всяком случае, улица. Лишь потом (гл. 3) возникает как частушка напев:

Мы на горе всем буржуям

Мировой пожар раздуем...

Но

Мировой пожар в крови...

В гл. 2 строку «На спине б надо бубновый туз» тоже необходимо пояснить. Это тоже восприятие и оценка рассказчика. Бубновый туз — цветная заплатка на спине, которой отмечали уголовников. Последняя глава начинается торжественным маршевым ритмом: Вдаль идут державным шагом...

Но по-прежнему за ними — «Нищий пес голодный», как «старый мир»; не потому ли в их душах и в поведении такая сумятица и страх перед тем, что где-то, невидимый, чудится

враг:

- Кто еще там? Выходи!
- Кто в сугробе — выходи!..
- Эй, откликнись, кто идет?
- Кто там машет красным флагом?
- Кто там ходит беглым шагом?..
- Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Появление впереди двенадцати Христа «в белом венчике из роз» было воспринято одними читателями как попытка освятить дело революции, другими — как кощунство. Общепринятого истолкования этого образа в поэме, его места в общей концепции произведения пока нет в науке о литературе.

Таким образом, в революции А. Блок увидел стихию, согласился с ее закономерным характером, но при этом разглядел ее жестокое лицо, во многом предугадал ее губительные последствия. Приветствуя революцию как радикальный способ изменения жизни к лучшему, поэт романтически представлял ее силы более разумными и туманными, чем они оказались в самом деле.

Задание: 1) перечитать поэму, 2) прочесть по учебнику главу о поэме, 3) перечитать стихи и поэмы, подготовиться к сочинению.

Рекомендуемая литература

Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. — М., 1991.

Русская литература. XX век: Справочные материалы/Сост. Л. А. Смирнова. — М., 1995.

Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 т. — М., 1980—1993.

Орлов Вл. Гамаюн: Жизнь Александра Блока: В 2-х кн. — М., 1997.